

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

СИНЕСИЙ КИРЕНСКИЙ

Настоящая публикация представляет собой первый перевод на русский язык избранных писем Синесия Киренского, а именно: 135, 147 (фрагмент), 113, 4, 105, 16. Публикация сопровождается вступительной статьей и комментариями.

Публикация представляет собой перевод избранных писем Синесия Киренского, греческого автора конца IV — начала V в. Дата его рождения до сих пор является предметом споров: некоторые ученые приводят 365 г.¹, большинство же исследователей согласны в том, что Синесий родился не позднее 370 г., вскоре после смерти Юлиана, и жил при императорах Валенте, Феодосии Великом, Аркадии и Феодосии Младшем, пока не исчез с исторической арены около 413 или 414 г. Своим отечеством Синесий считал Спарту и возводил свой род через спартанского царя Эврисфена к Гераклидам². О родителях Синесия ничего не известно, кроме того, что они были людьми обеспеченными и имели репутацию в обществе. Скорее всего, они умерли, когда он был еще ребенком³. У Синесия были брат и сестра⁴, к которым он всю жизнь питал нежную привязанность и дружбу. Его сестра Стратоника, чью красоту он воспевает в эпиграмме, была женой Феодосия, придворного императорского двора⁵. Брат Синесия (скорее всего, младший⁶) Евоптий на протяжении всей жизни был для Синесия одним из самых дорогих и близких людей. На основании того, что под актами Эфесского собора (431) стоит подпись Евоптия, можно предположить, что он стал епископом Птолемаиды после смерти Синесия. Однако, скорее всего, это простое совпадение имен⁷.

---

¹ Gardner A. Synesius of Cyrene, Philosopher and Bishop. L., 1886; Garzya A., Roque D. Synésios de Cyrène. Paris, 2000; Cameron A., Long J. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Oxford, 1993.

² PG. T. 66. Col. 1380; 1493.

³ Gardner A. Op. cit. P.11.

⁴ Синесий называет братом некоего Анастасия, однако в Гимне 8 (PG. T. 66. Col. 1612), в котором есть молитва о всех ближайших родственниках, имя Анастасия не упоминается.

⁵ PG. T. 66. Col. 1441.

⁶ Ibid. Col. 1460. Некоторые ученые считают, что Евоптий был старше Синесия (Cameron A., Long J. Op. cit. P. 41).

⁷ Bregman J. Synesius of Cyrene, Philosopher-bishop. L., 1986. P. 19.

Детство и юношеские годы Синесий провел в родной Кирене. Ни в одном из своих сочинений Синесий не упоминает имен своих учителей в Кирене, однако его знакомство с творчеством греческих поэтов, философов и риторов указывает на то, что он получил классическое образование. В 393 г. Синесий приехал в Александрию и оставался там вплоть до 395 г. Этот период его жизни является неким ключом к пониманию религиозного самосознания Синесия, т. к. в этот период он не просто становится неоплатоником, но, что более существенно, изучает неоплатонизм под руководством Гипатии. Гипатия также была одной самых близких друзей и наставников Синесия. Он расстраивался, если долго не получал от нее письма, просил помощи в своих научных изысканиях, советовался с ней по поводу своих сочинений.

Закончив обучение, Синесий на четыре года возвращается в Кирену (395–399). Там он ведет жизнь провинциального аристократа, чьими основными интересами являлись занятия литературой и охота. Около 399 г. Синесий уезжает в Афины, по поводу посещения которых у него остались не самые приятные впечатления. После возвращения в Кирену политический вес Синесия становится столь значительным, что его решают отправить в посольство в Константинополь с просьбой к императору о послаблении налогового гнета⁸. Синесий оставался в Константинополе три года, с 399 по 402 г. При дворе он знакомится с теми, кто входил в число самых значительных людей того времени: префектом претория Аврелианом, его братом Кесарием, готом Гайной и др. Свидетельства о жизни Синесия в Константинополе, о его участии в тех или иных событиях очень скудны. Ни один из историков того времени не упоминает Синесия в связи с событиями в Константинополе, единственный источник, которым мы обладаем по этому периоду жизни Синесия, — это его собственные сочинения⁹. Из них мы узнаем, что аудиенции у императора он дождался в течение двух лет. Впоследствии он вспоминал время пребывания в Константинополе как самое трудное и плачевное в своей жизни. По словам Синесия, он вынужден был спать холодной фракийской ночью возле портика дворца, завернувшись в большой египетский ковер¹⁰ (возможно для того, чтобы не пропустить прихода знатных вельмож). В конце концов, заручившись поддержкой префекта претория Аврелиана, Синесий произносит свою речь перед императором Аркадием. Мы не располагаем какими-либо сведениями о том, какое впечатление произвела на императора и двор речь Синесия. Однако мы знаем, что основная миссия Синесия — снижение налогов для жителей Пентаполя — была выполнена. Хотя Синесий и не успел дождаться окончательного решения, т. к. в Константинополе произошло землетрясение, и он в спешке отплыл в Александрию, нам известно письмо Синесия к Аврелиану, в котором он выражает благодарность за то, что его прошение было удовлетворено¹¹.

⁸ PG. T. 66. Col. 1464; *Синесий Киренский*. О Царстве / Пер. с греч. Левченко М. В. // Византийский Временник. Т. 4. М., 1953. С. 4.

⁹ PG. T. 66. Col. 1281; 1593; *Синесий Киренский*. О Царстве. С. 6.

¹⁰ PG. T. 66. Col. 1404.

¹¹ Ibid. Col. 1443.

В 402 г. Синесий возвращается в Кирену. Пребывание Синесия в Кирене было очень недолгим. Видимо, уже через год, в 403 г., он вновь отправляется в Александрию. На вопрос, почему он так мало пробыл на родине, Синесий в письме к Полимену¹² дает уклончивый ответ. «Обстоятельства вынудили», — пишет он, не желая посвящать Полимена в курс дела. Однако из письма, написанного уже в Александрии, мы узнаем, что Синесий скорее всего оставил родной город из-за неприятностей со своим врагом Юлием¹³. В Александрии Синесий женится. Имени его супруги мы не знаем, очевидно, она была из знатной христианской семьи, т. к. сам патриарх Феофил благословил их брак. Синесий имел от этого брака трех сыновей, старшего из которых звали Исихий¹⁴.

Пробыв два года в Александрии, Синесий возвращается на родину. Он жил либо в Кирене, либо в своем имении, где он был занят садоводством, охотой, научными и литературными делами. К этому периоду принадлежит большая часть его ходатайственных писем, в которых он просит за тех или иных лиц, а также писем, в которых описываются набеги варваров на Киренаику. Синесий принимал деятельное участие в отражении этих набегов.

В 410 г. Синесий был избран жителями города Птолемаиды епископом. Это событие стало для него совершенно неожиданным и сильно смутило его¹⁵. Размышлениям Синесия на эту тему посвящено письмо 105 к Феофилу Александрийскому. Синесий прибыл в Александрию и после семи месяцев, в течение которых он, по видимому, активно изучал учение Церкви¹⁶, был крещен и рукоположен в епископы¹⁷. В 411 г. Синесий возвращается в Кирену. Уже в сане епископа он ведет борьбу с Андроником, жестоким правителем города Кирена, разрешает разнообразные споры между представителями клира. Вскоре один за другим умирают сыновья Синесия, что стало для него тяжелым ударом; он теряет также связь с друзьями. Что касается времени смерти Синесия, то оно остается неизвестным. Последнее письмо его, адресованное к Гипатии, говорит о том, что Синесий тяжело болен. Отсутствие в письмах Синесия сведений о трагической гибели Гипатии в 414 г., которая, безусловно, должна было бы сильно на него подействовать, дает нам право думать, что Синесий не дожил до этого времени.

* * *

Настоящая публикация охватывает следующие письма¹⁸: 135, из которого видны впечатления Синесия от путешествия в Афины; 147 (фрагмент), в котором Синесий рассказывает о жизни людей в своем поместье; 113, в котором со-

¹² PG. T. 66. Col. 1509.

¹³ Ibid. Col. 1380.

¹⁴ Названный так, по видимому, в честь отца Синесия. См. *Cameron A., Long J.* Op. cit. P. 32.

¹⁵ PG. T. 66. Col. 1318, 1383, 1465.

¹⁶ Ibid. Col. 1464.

¹⁷ О времени крещения Синесия см. *Cameron A., Long J.* Op. cit. P. 34–40, а также *Bregman J.* Synesius of Cyrene. Op. cit. P. 23.

¹⁸ Нумерация писем приводится по *Patrologiae Graecae*.

держится призыв защищать родной город от варваров; 4 (фрагмент), в котором Синесий в трагикомическом стиле повествует о своем путешествии из Александрии в Кирену; 105, в котором Синесий описывает свои чувства после избрания его епископом жителями Птолемаиды; 16 (последнее из переписки Синесия) открывает личную трагедию, когда Синесий за год теряет троих своих сыновей.

При переводе был использован текст издания Patrologia Graecae. Комментарий составлен на основании комментированного перевода, выполненного Дени Рок¹⁹, труда А. Остроумова «Синезий, епископ Птолемаидский»²⁰, исследований Ж. Брэгман «Синесий Киренский, философ-епископ»²¹, А. Кэмерон и Ж. Лонг «Варвары и государственные деятели при дворе Аркадия»²².

Пер. с греческого, вступит. статья и примеч. А. А. Колотвиной

Письмо 135²³

К Евоптию²⁴

Ты хочешь знать, какую пользу получил я в Афинах? Думаю, что я уже сделался на одну ладонь²⁵ или палец²⁶ ученей²⁷; и вот доказательства моей божественной мудрости — ведь пишу я тебе из самого Анагирунта; был в Сфетте, Трии, Кефисии и Фалере²⁸.

О, будь проклят тот злополучный корабль, который привез меня сюда! Ведь в Афинах теперь не осталось ничего заслуживающего почитания, кроме славных названий! После жертвоприношения от закланной жертвы не остается ничего, кроме кожи — знака некогда существовавшего животного. Так теперь и в Афинах: после того как философия была изгнана из этих мест, путешественнику остается только удивляться Академии, Ликею, ну и, конечно, той Пестрой Стое, от которой философия Хрисиппа получила свое название. Хотя ныне она уже больше не пестрая — проконсул приказал снять доски, которым вверил свое искусство Полигнот²⁹ из Тасоса.

¹⁹ Garza A., Roque D. Op. cit.

²⁰ Остроумов А. Синезий, епископ Птолемаидский. М., 1879.

²¹ Bregman J. Op. cit.

²² Cameron A., Long J. Op. cit.

²³ PG T. 66. Col. 1524. Описывает путешествие Синесия в Афины в 399 г.

²⁴ Брат Синесия, скорее всего, младший.

²⁵ В греч. тексте *παλάσιον* — палеста (ширина ладони; мера длины = 77 мм).

²⁶ В греч. тексте *δάκτυλος* — дактиль (наименьшая мера длины = 19,3 мм).

²⁷ Из предыдущего письма к брату (письмо 56), в котором Синесий сообщает о своем намерении посетить Афины, видно, что он с отвращением относился к тем, кто, побывав в Афинах, смотрит свысока на тех, кто там не был. Синесий отправился туда, заранее зная, что Афины уже не те.

²⁸ Районы Афин.

²⁹ Древнегреческий живописец V в. до н. э. Уроженец острова Тасос, ученик своего отца Аглаофона, также художника. Около 462 г. до н. э. по приглашению Кимона Полигнот прибыл в Афины, где ему вместе с другими живописцами была поручена роспись Стои. Полигнот изобразил битву афинян с лакедемонянами, бой Тесея с амазонками, разрушение Трои и Марфонскую битву.

Сегодня Египет взращивает семена мудрости, которые он принял от Гипатии. Афины же, некогда бывшие пристанищем мудрых, ныне славятся лишь искусством приготовления меда. Потому-то пара ушлых плутархиков³⁰ и завлекает юношей в театр не славой своих речей, но горшками с геметтским медом.

Письмо 147³¹

К Олимпию³²

Я решил отказаться от обязанности вносить деньги. Что же еще остается, если никто из греков, живущих в Ливии, не хочет отправлять в ваши воды торговое судно?³³ Тебя я также освобождаю от договора, ведь и сирийцы не стремятся в гавани Киренаики. Более того, если в порт зайдет какое-то судно, я об этом даже не узнаю, ведь я живу далеко от моря и в гавани бываю редко. Я обосновался на южной границе Киренаики по соседству с такими людьми, каких встретил Одиссей перед своим возвращением в Итаку³⁴, путешествуя с веслом на плече³⁵, стремясь, в согласии с пророчеством, смягчить гнев Посейдона, — смертных, «моря не знающих, пищи своей никогда не солящих»³⁶. Не думай, что я преувеличиваю, когда говорю, что здешние люди даже в поисках соли никогда не бывали у моря; впрочем, и мясо, и пироги они едят солеными. Клянусь великой Гестией, к югу от нас, на расстоянии меньшем, чем на север до моря, находится месторождение соли, мы называем его соль Аммона³⁷. Кристаллы соли скрываются внутри скалы, которая легко крошится: если убрать верхний слой, то с по-

³⁰ Вопрос о том, кого имел в виду Синесий под «парой плутархиков», занимал многих ученых. Высказывались предположения, что Синесий мог иметь в виду Плутарха и Сириана, основателей второй афинской школы, или Плутарха-неоплатоника и еще кого-то с подобным именем, или сына и внука Плутарха-неоплатоника — Гиерия и Архиада, или просто продавцов меда. Кажется более вероятным предположение, что Синесий в данном случае не имел в виду никого из неоплатоников. Сын и внук Плутарха не могли здесь подразумеваться, потому что они в это время еще не родились; не может подразумеваться и сам Плутарх, поскольку тот был еще юношей, только что вернувшимся из Александрии. Исследователь Пети-де-Жюллевиля (*Petit-de-Julleville L. L'École d'Athènes au quatrième siècle après Jésus-Christ. Paris, 1868*) считает, что в слове Πλουταρχείος, суффикс εἰος не означает собственно родственной, фамильной связи, обозначаемой суффиксом εἶδος. (например, Гераклиды), но только сходство, свойство; и соответствует выражению «словом и манерой» и проч. Поэтому слово Πλουταρχείων не означает ни Плутарха-неоплатоника, ни Плутарха Херонейского, ни даже потомков их, но подражателей Плутарха Херонейского. Слово «два» (ξυνωρίς) указывает на неких двух софистов, занимавшихся в то время подражанием Плутарху, может быть, Леонтия и Гипархия, или Ориона.

³¹ PG T. 66. Col. 1544. Написано в ноябре 402 г.

³² Олимпий — один из близких друзей Синесия, они вместе учились в Александрии.

³³ Скорее всего, имеется в виду не прекращение торговли, а закрытие мореплавания в период с ноября по начало марта.

³⁴ См. пророчество Тиресия о скитаниях Одиссея: *Homer. Odyssea*, XI, 100–137; 121–122.

³⁵ Там же.

³⁶ *Гомер. Одиссея* / Пер. В. А. Жуковского. XI, 122–123.

³⁷ О месторождении соли в глубине Ливии свидетельствуют: *Pliny. Historia Naturalis* XXXI, 79; *Dioscorid*, V, 109; *Arrian. Anabasis* III, 4, 3. Называлось это месторождение так, скорее всего, потому, что находилось рядом с оазисом Амона.

мощью рук или лопаты достаточно легко проникнуть вглубь породы. Добытые таким образом кристаллы соли очень красивы и хороши в пищу.

Впрочем, не считай мой рассказ о местной добыче соли излишним мудрствованием — нам, деревенским жителям, менее всего свойственно честолюбие. Я все это рассказал потому, что ты потребовал от меня написать все о нашей жизни. Что ж, приготовься к обстоятельному письму, оно станет тебе наказанием за чрезмерную любознательность. Безусловно, нелегко поверить в то, что незнакомо. Так что сириец вряд ли признает, что соль можно добывать вдали от моря. Хотя и здесь передо мной стоит нелегкая задача — меня часто утомляют расспросами о кораблях, парусах и море.

Ты, конечно, помнишь, как я некогда (в то время мы вместе изучали философию) восторгался судами в огромном соленом море³⁸ — и у Фароса³⁹, и в Канобе⁴⁰. Один корабль вели на буксире, другой был движим парусами, наполненными ветром, третий шел на веслах. Тебя тогда развеселило, что я сравнил этот последний корабль с многоножкой. Что ж, сейчас здешние жители удивляются всему этому не меньше, чем удивляемся мы, слушая рассказы о странах по ту сторону Фулы⁴¹, — кто был там, может лгать без зазрения совести — все равно его некому опровергнуть. Так вот, все, что я рассказываю о кораблях, они еще могут, пусть и посмеиваясь, принять. Но они упорно отказываются верить, что и море может доставлять человеку пропитание, но считают, что лишь мать-земля достойна этого права.

Когда местные жители не верили рассказам о рыбах, я взял привезенный из Египта сосуд с соленой рыбой и разбил его о камень, и люди, вообразив, что это опасные змеи, разбежались, испугавшись острых плавников, посчитав их не менее ядовитыми, чем змеиное жало. А затем самый старый и рассудительный из них сказал, что ему сложно поверить, будто соленая вода может произвести что-либо пригодное в пищу, ведь даже проточная вода, хотя она и прекрасна для питья, не родит ничего, кроме лягушек и пиявок, которых даже безумный не станет есть.

Однако их невежество объяснить легко: «никогда в течение ночи не будил их шум прибоя»⁴². Ничто не нарушает их сна, кроме ржания лошадей, блеяния коз и овец, мычания коров, жужжания пчел при первых лучах солнца — эти звуки улаживают слух ничуть не меньше, чем музыка. Не кажется ли тебе, что я чересчур углубляюсь в рассказ об ангемахах⁴³ — местных жителях, обитающих вдали от города, дорог, торговли и роскоши? Но ведь для меня занятие философией приносит отдохновение, тогда как порок является помехой.

Здесь все живут, как братья, помогая друг другу при возделывании земли, в заботах о стаде, совместной охоте (а охота здесь хорошая). У нас есть обычай, что никто, будь то человек или лошадь, не получает пищу, если не трудился весь

³⁸ О размерах соленого озера говорит Страбон (Geographica. XXVII, 1, 14).

³⁹ Островок близ Александрии Египетской со знаменитым маяком, сооруженным при Птолемеи Филадельфе.

⁴⁰ Портовый город в устье самого западного рукава Нильской дельты.

⁴¹ Выражение, аналогичное русскому «в Тьмутаракани».

⁴² Источник цитаты неизвестен.

⁴³ Ἀγγεμαχοῦς — не название имения Синесия, как считают многие, а антропоним.

день. На завтрак у нас смесь на основе ячменной муки⁴⁴, ее приятно и есть, и пить — такое кушанье Гекамедда некогда приготовила Нестору⁴⁵. Летом, во время тяжелой работы, она отлично утоляет жажду. Также мы питаемся пшеничными пирогами, лакомимся фруктами (дикими и домашними, напитанными соками теплой земли), также медом с наших пасек и козьим молоком, потому что в этих местах нет обыкновения доить коров. Охота с собаками и на лошадях доставляет к нашим столам обильные кушанья из дичи.

Музыка у нас также особая: у анхемархов лира простая, пастушеская, она встречается только в этой местности. Однако наша музыка не лишена прелести: у нее характер мужской, такой, какого требует Платон для воспитания детей⁴⁶ (эту лиру нельзя настроить в определенной тональности). Однако наши певцы приспособились к простоте струн, потому что избираемые предметы пения отнюдь не нежные и томные: это похвала сильному барану; собаке с куцым хвостом, которая попала в песню, потому что не испугалась и одолела волков; охотнику, который охраняет стада и покрывает наши столы кушаньями; овце, принесшей двойню, вскормившей потомство более многочисленное, чем ее лета, — вот что бывает подчас предметом наших песен. Также мы часто поем похвалы смокве и виноградной лозе, но более всего мы просим у неба благословить нас, наши пашни и скот.

Такова наша жизнь, достойная простых людей. И хотя мы живем в настоящем, в укладе жизни сквозит древность. Что касается императора, его приближенных, а также всех баловней судьбы, о которых мы постоянно слышим на собраниях, — обо всех этих людях, которые, словно искры от костра, вознеслись на вершину славы только затем, чтобы однажды погаснуть, — здесь об этом молчат. Мы свободны от подобного вздора.

Что император все же существует, это, конечно, известно хорошо, потому что каждый год сборщик податей неизменно напоминает нам об этом, но каков император на самом деле, никто не знает. Есть у нас такие, которые воображают, что правит сейчас Агамемнон, сын Атрея, великий славный царь, совершивший путешествие в Троию. С детства называют императора только этим именем. Наши храбрые пастухи говорят, что есть у него друг Одиссей, человек лысый, но ловкий выпутываться из самых затруднительных обстоятельств⁴⁷. Они не могут удержаться от смеха, рассказывая историю про Циклопа⁴⁸, которому наш славный герой не далее как в прошлом году выколол глаз, а также о том, как этот старый пройдоха улизнул из пещеры под брюхом барана, в то время как гнусный злодей охранял выход; они считают, что баран шел последним не из-за тяжелой ноши (под ним, цепляясь за шерсть, прятался Одиссей. — *А. К.*), а из-за сочувствия горю хозяина.

Ну вот, благодаря этому письму ты хотя бы немного побыл с нами, увидел наши поля, простоту нашей жизни и, наверное, подумал: «Так жили при Ное, прежде нежели постигло людей правосудие».

⁴⁴ Эту смесь готовят из вина, меда с тертым козьим сыром, ячменной муки и проч.

⁴⁵ *Гомер*. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. XI, 624—641.

⁴⁶ *Plato*. *Respublica* III, 398c—399e.

⁴⁷ *λόρον ἐν ἀμυχάνοις εὐρείν* — *Aeschyles*. *Prometheus Vincetus* 59.

⁴⁸ *Homer*. *Odyssea* IX, 375—435.

Письмо 113⁴⁹

К Евоптию⁵⁰

Что же теперь? Просто наблюдать этих грязных извергов, с готовностью бросающих вызов смерти в поисках чужого имущества, которые ни за что не отдадут владельцам награбленное? Неужели мы будем беречь себя и цепляться за жизнь, тогда как нужно сражаться за нашу страну, храмы, законы и имущество — за все то, чем мы дорожили долгие годы? Если так, то мы больше недостойны называться мужчинами. Я же, просто потому, что не могу иначе, должен попытаться понять, что это за враги, которые ни перед чем не останавливаются, что это за люди, которые имеют наглость насмеяться над ромеями, даже если они преуспевают как сейчас. Облезлый верблюд, как говорят, может взвалить на себя ношу многих ослов.

К тому же, я считаю, в подобных случаях все, кто стремится спасти свою жизнь, большей частью погибнут, а те, кто готов пожертвовать собой, — будут жить. Я буду среди последних. Я буду сражаться так, как если бы мне суждено было умереть; и я точно знаю, что останусь в живых. Я спартаец по происхождению⁵¹, и я помню послание к Леониду: «Сражайтесь, как будто вы уже погибли, и вы не погибнете».

Письмо 4⁵²

К Евоптию⁵³

Несмотря на то, что мы снялись с якоря в Бендиде⁵⁴ на рассвете, мы лишь в полдень миновали Фаросский Мирмек⁵⁵, потому что наш корабль еще в гавани два или три раза сел на мель. Но хотя подобная неудача не предвещала ничего хорошего и было благоразумнее сойти с корабля, который в самом начале путешествия оказался несчастливый, — все же я устыдился получить от тебя обвинение в трусости, и потому не мог я «ни врага избежать, ни в толпе ополчений укрыться»⁵⁶. Таким образом, если бы нас ждала смерть, мы бы погибли по твоей вине. Впрочем, так ли уж было бы ужасно, если бы ты смеялся надо мной, но я между тем избежал бы опасности? Но как Эпиметей⁵⁷, говорят, «не знал забот, но

⁴⁹ PG T. 66. Col. 1493D. Написано из Кирены, датируется 405/410 г. (более вероятен 405 г.).

⁵⁰ См. примеч. 24.

⁵¹ О родословии Синесия см. письмо 41.

⁵² PG T. 66. Col. 1328. Одно из самых известных писем Синесия. В нем Синесий в трагическом духе описывает свое путешествие из Александрии в Кирену в октябре 407 г.

⁵³ См. примеч. 24.

⁵⁴ Порт Александрии, где возвышалось святилище фракийской богини.

⁵⁵ Τὸν Φάριον Μύρμηκα упоминает Птолемей (Geography IV, 4, 8). Фарос был небольшим островком при входе в александрийскую гавань. В начале III в. там был построен маяк. О рифе Мирмек между Скиафом и Магнесией говорит Геродот (7, 183).

⁵⁶ Гомер. Илиада. VII, 217.

⁵⁷ Эпиметей — «обращенный мыслью назад», «крепкий задним умом». Согласно древнегреческим мифам, был сыном Иапета, братом Прометея и супругом Пандоры. От Эпиметея Пандора узнала, что в доме есть чан (или пифос), который ни в коем случае нельзя открывать. Если нарушить запрет, весь мир и его обитателей ждут неисчислимые беды. Поддавшись любопытству, она открыла его и беды обрушились на мир.

после в том раскаялся»⁵⁸, — точно так же и мы: в начале путешествия еще можно было спастись, но сейчас на пустынных берегах «мы вместе сокрушаемся»⁵⁹, устремляя взор в сторону Александрии и всматриваясь в горизонт, за которым лежит наша родная Кирена⁶⁰: первую мы сами покинули, а вторую не в силах дойти, — испытав все то, что даже в страшном сне нам не могло присниться.

Итак, слушай, чтобы после не было у тебя повода для досужих насмешек, и прежде всего о том, какова была наша судовая команда. Наш капитан был по уши в долгах, кроме него было еще двенадцать моряков (капитан был тринадцатым). Большая часть из них, включая капитана, были евреи — вероломный народ, считающий наибольшим благодеянием стать причиной смерти как можно большего числа эллинов. Остальные были обычными крестьянами, еще год назад не бравшими в руки весла.

При этом все они были сходны в том, что у каждого имелось какое-либо увечье. Так вот, пока наше плавание проходило благополучно, они подшучивали друг над другом, называя друг друга не по имени, но изъяну каждого, как то: «Хромой», «Грыжастый», «Левша», «Косоглазый». У каждого была своя кличка, и для нас, пассажиров, это служило немалым развлечением. Но во время опасности нам было уже не до смеха, и мы сокрушались о тех же самых увечьях. А было нас чуть более пятидесяти пассажиров, причем примерно треть составляли женщины, по большей части юные и миловидные. Но не спеши завидовать нам: нас разделяла плотная завеса — кусок оборвавшегося паруса, а для добродетельного мужа это все равно, что стены Семирамиды. Пожалуй, сам Приап нашел бы в себе силы смирить свой пыл, если бы ему выпало несчастье отправиться в путь под началом Амаранта, потому как в течение всего нашего путешествия не было времени, когда бы мы не чувствовали себя в страшной опасности.

Началось с того, что, обогнув находящийся рядом с тобой храм Посейдона, мы на всех парусах устремились к Тафосирису⁶¹ и прямоком устремились на Скиллу⁶², перед которым некогда трепетали в школе. Но поняли мы это и закричали, уже находясь на волосок от столкновения, так что капитану поневоле пришлось отказаться от нападения на скалу. Развернув корабль, он, словно раскаявшись, направил его в открытое море. Поначалу нам грозили только волны, но затем подул сильный южный ветер, так что земля вскоре уже скрылась из виду. Вскоре мы встретились с грузовыми судами, ни одно из которых не направлялось в нашу часть Ливии — они плыли в другом направлении. Тут мы снова все вместе принялись роптать, так как страшились того, что слишком удалились от берега. Тогда наш Иапет⁶³, наш блистательный Амарант, став на палубе корабля

⁵⁸ Заимствование из неизвестного сочинения.

⁵⁹ Фраза из: *Aristophanes. Equites* v. 8.

⁶⁰ Письмо написано из Азарииона, находящегося в 300 км от Александрии и 450 км от Кирены.

⁶¹ Страбон (*Geographica* XVII, 1, 14) уточняет, что эти опасные рифы находились на небольшом расстоянии от берега. Тафосирис — мнимая могила Осириса по Плутарху (*De Iside et Osiride*. 21).

⁶² Риф, получивший свое название от известного мифического существа. *Glossa Isidori: Scylla, saxa latentia in mari*.

⁶³ Один из Титанов, как отец Прометея, считался родоначальником человечества.

и, словно со сцены, обрушивая на нас грозные проклятия, сказал: «Ясно, что мы никогда не сможем летать, — как же в таком случае можно вам помочь, если вы не доверяете ни суше, ни морю?» «Доверяем, достойнейший Амарант, — ответил я, — если мы относимся к ним правильно. Мы вовсе не стремимся назад к Тафосирусу, мы просто хотим жить. Зачем мы сейчас, — продолжил я, — идем в открытое море? Направимся без промедления к Пентаполю, держась на безопасном расстоянии от берега, на случай если произойдет что-то непредвиденное; к тому же, если нам предстоит столкнуться с какой-либо угрозой, что, как у нас говорят, часто случается на море, мы, по крайней мере, сможем найти убежище в ближайшей гавани».

Мне не удалось убедить его — этот негодяй предпочел остаться глухим к моим словам. Тут с севера задул штормовой ветер, вздымая огромные волны. Буря, обрушившись внезапно, пригнула мачту к корме — паруса выгнулись в противоположную сторону, и судно потянуло назад, так что корабль чуть было не перевернулся через корму. С большим трудом мы развернули нос корабля по ветру.

Тогда Амарант скорбно сказал: «Вот оно, искусство мореплавания: я уже давно предвидел этот ветер со стороны моря и поэтому стремился выйти дальше в открытые воды. Теперь я могу изменить курс, и отправиться к Пентаполю по косой. Но взять такой курс было бы невозможно, если бы мы шли вдоль берега, потому что в этом случае судно бы просто выбросило на берег». Мы довольствовались подобным объяснением, поскольку солнце еще было высоко и опасность невелика. Но, к сожалению, с приближением ночи положение наше ухудшилось, потому что с каждым часом море бушевало все больше и больше.

Оказалось, что наступило время, когда иудеи совершают приготовление, оно начинается ночью и длится следующий день. В это время закон не позволяет работать руками. Евреи считают этот день священным и проводят его, избегая всякой работы. Итак, наш капитан выпустил штурвал из рук в тот самый момент, когда солнечные лучи покинули землю, бросился навзничь на палубу, «и всякий мог тогда топтать лежачего»⁶⁴.

Мы не сразу смогли взять в толк, что происходит, считая, что причиной происшедшего было отчаянье. Мы бросились к нему с мольбой не отказываться от последней надежды на спасение. На нас как раз стали обрушиваться огромные волны, и казалось, что море вступило в схватку само с собой: это происходило, когда ветер немного утихал, а воздымаемые им волны стихали не сразу и все еще были под влиянием силы ветра, которой они поддавались и с которой в то же время боролись.

Мне понадобится все мое искусство, чтобы подобающе описать наши беды. О попавших на море в шторм говорят: их жизнь висит на волоске. Но если ко всему прочему капитан оказывается правоверным иудеем, какая тогда должна быть выдержка? Конечно, вскоре мы поняли, почему он покинул штурвал: не смотря на то, что мы умоляли его спасти корабль, он продолжал читать свиток. Отчаявшись убедить его, мы, в конце концов, применили силу: один благородный солдат (а с нами на корабле было много арабов из конного отряда) обнажил

⁶⁴ *Софокл. Аякс* / Пер. Ф. Ф. Зелинского. 1146.

свой меч и грозился снести капитану голову, если тот не вернется к штурвалу. Но этот Маккавей был непреклонен в своей решимости следовать закону.

Однако ровно в полночь капитан согласился вернуться к штурвалу. «Теперь, — сказал он, — закон разрешает, поскольку сейчас мы действительно находимся на грани смерти». После этих слов снова разразился шум — крики мужчин и вопли женщин. Все взывали к богам, молились, обливаясь слезами, вспоминали тех, кого они любили. Только Амарант был весел, потому как про себя он думал, что теперь-то уж, наконец, расквитается со своими кредиторами. Мне же, среди всего этого ужаса, клянусь тебе Богом, святым для философии, внушали беспокойство лишь слова Гомера. Я боялся, что если мое тело поглотит море, душа также сгинет, не зря же в своей поэме Гомер так говорит про Аякса: «Так он погиб, злополучный, упившись соленою влагой»⁶⁵. Эти слова свидетельствуют о том, что смерть в море является самой ужасной, потому что ни в одном другом случае поэт не говорит о полном истреблении тела и души, но про каждого, кто умирает, он говорит «и душа отлетела к Аиду»⁶⁶. В самом деле, в обоих местах, где Гомер повествует об обители мертвых⁶⁷, он не упоминает несчастного Аякса — потому что его душа не в Аиде. И даже Ахиллес, самый мужественный и бесстрашный, боялся смерти в воде, считая ее ничтожным концом⁶⁸.

Погрузившись в подобные размышления, я и не заметил, что все солдаты, находившиеся на борту, обнажили мечи. Расспросив их, я узнал, что они считают более достойным отдать душу ветру на палубе, чем погибнуть в разверзшихся волнах. Эти люди по духу оказались истинными последователями Гомера, и я всецело согласился с их решением.

Затем кто-то объявил, что всякий, у кого есть золото, должен повесить его на шею. Те, у кого оно было, так и сделали; кроме золота подвесили также другие ценные вещи. Женщины надели свои украшения и раздали шнурки тем, кому они были нужны — так издревле принято делать. Необходимо, чтобы у утопленника была при себе плата за погребение, поскольку, когда кто-то найдет тело на берегу, а также нечто ценное на нем, он убоится законов Адрастии⁶⁹ и едва ли испытает недовольство, насыпав немного земли на тело того, кто дал ему нечто несравнимо более ценное.

Пока они были всем этим заняты, я сидел подле и думал о большой сумме денег, которую мой гостеприимец отдал мне на хранение. Бог гостеприимства мне свидетель, я сокрушался не столько по поводу приближающейся смерти, сколько из-за денег, коих лишится фракиец, перед которым даже после смерти я буду испытывать стыд. Мне даже стало казаться, что лучше уж погибнуть в море, но, сгинув всецело, избежать этого чувства позора.

Корабль шел на всех парусах, и не было никакой возможности убрать их: смерть разверзлась под нашими ногами. Всякий раз, когда мы пытались под-

⁶⁵ Гомер. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. IV, 511.

⁶⁶ Гомер. Одиссея / Пер. В. Вересаева. XI, 65.

⁶⁷ Homer. *Odyssea*. XI, XXIV.

⁶⁸ Homer. *Ilias*. XXI, 281; *Odyssea*. V, 312.

⁶⁹ Означает нечто неизбежное, обычно наказание. Понятие Адрастии встречается в: *Aeschyles*. *Prometheus Vincetus* v. 936; *Plato*. *Phaedrus* 248c; *Plotinus*. *Enneades*. III, 2, 13, 16–17; *Philostratus*. *Vita Apollonii*. VIII, 7, 11–12.

тянуть паруса, нам мешали канаты, застрявшие в креплениях. Кроме того, мы страшились, как бы наш корабль, даже если он не погибнет в морской пучине, при всех поднятых парусах ночью не выбросило на берег.

Наконец, начался новый день, мы снова увидели солнце, и никогда прежде, я думаю, мы не встречали его восход с большей радостью. Ветер потихоньку затихал, становилось все теплее. Теперь, после того как канаты просохли, мы смогли наконец совладать с корабельными снастями и справиться с парусом. Конечно, не в наших силах было заменить парус на запасной, ведь капитан заложил его, мы лишь подлатали старый, сложив его, как складки хитона. Через четыре часа мы, которые думали, что нам уже ни за что не избежать смерти, достигли, наконец, совершенно пустынного берега: по соседству не было ни города, ни деревни, — чистое поле протяженностью около ста тридцати стадий⁷⁰. Наш корабль остался качаться в открытом море, потому что подходящей гавани не оказалось, а якорь был только один; второй был продан, а третьего у Амаранта отродясь не бывало⁷¹.

Когда мы коснулись наконец дорогой земли, мы прильнули к ней, как к матери. Мы вознесли благодарственные гимны Богу, как у нас заведено, возблагодарили также недавнюю удачу, благодаря которой мы спаслись вопреки всем ожиданиям.

Мы ждали два дня, пока море умерит свою жестокость. Поскольку пройти по берегу оказалось невозможным и мы не смогли найти ни одного живого существа в этой местности, мы снова решились попытать счастья в море. Мы отплыли на рассвете, в течение всего дня и весь следующий день ветер дул со стороны кормы, но на исходе второго дня ветер затих, и мы были в полном отчаянии. Однако вскоре нам пришлось с сожалением вспоминать о штите.

Заканчивался тринадцатый день месяца. Над нами нависла опасность, так как это было время, когда сходятся особым образом небесные светила⁷², и, как говорят, никто не отваживается выйти в море. Поэтому нам следовало остаться в гавани, но мы безрассудно снова вышли в море. Предвестником надвигающегося шторма был северный ветер, всю непроглядную ночь шел ливень. Ветер все больше свирепствовал, море разбушевалось.

Что касается нас самих, то мы переживали все то, что только можно пережить в подобном положении, — не буду говорить об этом еще раз. Скажу только, что неистовство шторма оказалось на руку. Рея на мачте затрещала, и мы решили укрепить ее, натянув канаты, но рея сломалась посередине, рухнула вниз и чуть было не погребла под собой всех нас. Однако то, что едва не стало нашей гибелью, обернулось нашим спасением, потому что иначе корабль не вынес бы натиска ветра: мы не в силах были справиться с парусом, все наши старания совладать с ним заканчивались неудачей. Так, неожиданно умерив наш вынуж-

⁷⁰ Мера длины, равная 184,97 м.

⁷¹ Чтобы стать близко к берегу, необходимо иметь как минимум два якоря. Один бросают по левому борту в носовой части, второй — по правому на корме.

⁷² Имеются в виду созвездия Плеяд и Гиад: мореплавание прекращалось на время, пока они были видны (*Garzya A. Problèmes textuels dans la Correspondance de Synésios. Byzantine Studies/Etudes byzantines. 5. 1–2. 1978. P. 125–236*).

денный стремительный ход, мы продержались еще день и ночь; а на рассвете, со вторыми петухами, прежде чем мы успели что-либо осознать, корабль врезался в скалу, выступающую из берега, словно небольшой полуостров.

Поднялась суматоха и крики, потому что кто-то сказал, что корабль сел на мель. Все начали кричать и спорить друг с другом. Пока моряки трепетали от ужаса перед предстоящей высадкой на берег, мы, не подозревая о грядущих опасностях, хлопали в ладоши и обнимали друг друга; радость переполняла нас. Но затем пошли разговоры о том, что эта опасность превосходит все, уже испытанное.

Но на рассвете мы увидели, что с берега нам подает знаки некий человек в деревенском одеянии. Он указывал опасные и безопасные места, но в конце концов доплыл до нас на челноке с двумя веслами и, привязав лодку к нашему кораблю, встал на руле, а наш сириец (Амарант. — А. К.) с готовностью уступил командование. Итак, пройдя не больше пятидесяти стадий, он бросил якорь в очаровательной маленькой гавани (она, мне кажется, называется Азарион⁷³) и высадил нас на берег. Мы же провозгласили его нашим спасителем и добрым гением.

Письмо 105⁷⁴

К Евоптию⁷⁵

Я поступил бы безрассудно, если бы не воздал величайшей благодарности жителям Птолемаиды за то, что они удостоили меня чести, которой я достойным себя не считаю. Однако в этом письме речь пойдет не о том, какое достоинство они мне предлагают, но о том, возможно ли мне его принять. Потому что когда человек достигает почестей почти божественных, то вкушает величайшее блаженство, если их достоин, но если он их нимало не заслуживает, то в будущем они становятся для него источником глубокой печали. Страх перед тем, что «вдруг я нерадение о богах сменяю на почесть людскую»⁷⁶, не является чем-то новым, он был известнее еще в древности.

Зная себя, я полагаю, что никоим образом не способен соответствовать достоинству священства. Поэтому я хочу излить тебе свои волнения, потому что нет никого другого, кто мог бы понять меня лучше, чем родной брат. Поистине, ты равно разделяешь со мною мои тревоги: проводишь ночи без сна и при свете дня заботишься о том, чтобы у меня все было хорошо и чтобы я избежал неприятностей. Итак, выслушай, в каком положении находятся мои дела, большую часть тебе уже известные.

Некогда я принял на себя одно легкое бремя, которое, казалось мне, я до сего дня нес достойно: это бремя — философия. Иные хвалили меня, ибо я не уклонился от философии; иные же, не умея судить о способностях души, полагали меня достойным большего. Я страшусь, как бы я, самонадеянно приняв это

⁷³ См.: *Ptolemeas. Geography* IV, 5.

⁷⁴ PG T. 66. Col. 1481C. Написано в 410–411 гг.

⁷⁵ См. примеч. 24.

⁷⁶ *Платон. Федр* / Пер. А. Н. Егунова. 242е.

достоинство, не лишился того и другого: одного — ибо пренебрег им, другого — ибо не оказался его достойным⁷⁷.

В самом деле, каждый день я провожу за двумя занятиями: забавами и познанием. Познанием, особенно вещей божественных, я занимаюсь в одиночестве; но когда я предаюсь развлечениям, то делаю это с друзьями, — ты прекрасно знаешь: как только я отрываю глаза от книги, я люблю предаться разнообразным забавам. Заниматься же государственной деятельностью мне претит моя природа. Но надлежит, чтобы епископ был человек Божий, чуждый всякого удовольствия, как само Божество, потому что бесчисленное множество глаз следит, соблюдает ли он надлежащий образ жизни. Нет никакой пользы от епископа, или же эта польза ничтожно мала, если епископ не рассудителен и не воздержан. Раз он служит пред лицом Бога, он уже более не принадлежит самому себе, но весь со всеми; он есть учитель закона и говорит сообразное с законом. Ему одному надлежит вести столько дел, сколько всем прочим вместе, так как ему вменено в обязанность управлять делами всех или, в противном случае, подвергнуться разным обвинениям. Скажи мне, если епископу надлежит заниматься столь многими делами, каким образом, не имея великой и мощной души, возможно выдерживать бремя стольких забот, не омрачив ими ум и не угасив в душе божественную искру? Я знаю, что некоторым по силам столь трудное служение; я превозношу их и взираю на таких людей как на истинно божественных, ибо дела мирские не отвращают их от Бога. Что же до меня, то я живу то в городе, то за городом, занимаюсь делами, влекущими к земле; я покрыт позором, о котором никто не станет говорить, потому что малейшее пятно, прибавленное к старым, преисполнит меру. Мне недостает духовной мощи, и нет во мне твердости; я не могу довольствоваться внешним и далек от того, чтобы быть в состоянии перенести муки совести. И если бы при случае некто спросил меня, я, не колеблясь, ответил бы, что епископ должен быть во всем более чистым, чем все прочие, ибо ему надлежит омыывать прегрешения других людей, — и это должно присовокупить к письму, которое я посылаю брату. Но пусть прочитают это и все прочие, дабы все знали: я открыто говорил, что страшился этого бремени, поэтому случись что, не виновен пред Богом и людьми, в особенности же пред отцом Феофилом. В силу того, что я выношу на всеобщий суд все то, что до меня касается, и даю ему (Феофилу. — А. К.) возможность взвешенно принять решение о моем рукоположении, — в чем могу я быть обвинен? Бог, закон и священная рука Феофила дали мне жену. Поэтому я свидетельствую перед всеми, что я не хочу жить раздельно со своей женой и не буду жить с ней тайно, словно прелюбодей, так как первое нисколько не благочестиво, а второе — незаконно⁷⁸. Напротив, я желаю и молюсь о том, чтобы у меня один за другим родились многочисленные и пре-

⁷⁷ Похожая мысль у Платона, см.: *Платон*. Государство. III, 394с.

⁷⁸ Из заявления Синесия о нежелании развестись с женой следует, что безбрачие епископов было довольно укоренившимся обычаем, однако обычай этот еще не был узаконен. Поднятый на I Вселенском соборе вопрос о безбрачии, вследствие протеста епископа Фиваидского Пафнутия, остался нерешенным. Интересно свидетельство Сократа о том, что на Востоке епископы чаще всего добровольно воздерживались от брачного сожителства, но многие оставались в нем и имели детей от законных жен (*Сократ*. Церковная история. Кн. 5. Гл. 22).

красные дети. Поэтому не следует, чтобы мое намерение оставалось сокрытым от того, кто имеет власть посвящать. Все это он может узнать от моих друзей Павла и Дионисия, которые, как я слышал, избраны народом посланниками. Безусловно, в этом я не должен учить его, а только напомнить; далее же буду рассуждать о более важном деле, потому как в сравнении с ним все прочее незначительно. В силу того, что затруднительно, если не сказать невозможно, чтобы учение, которое вошло в душу в результате долгого труда и доказательств, было в ней уничтожено (а ты знаешь, что философия находится в противоречии со многими народными мнениями⁷⁹), я должен сказать, что никогда не поверю, будто душа произошла после тела⁸⁰; никогда не скажу, что мир и его различные части погибли⁸¹; воскресение же, о котором все говорят, я считаю чем-то тайным и священным⁸² и далек от того, чтобы согласиться с мнением народа. Философский ум, созерцатель истины, может примириться с пользой лжи, потому что есть сходство между светом и истиной, глазом и народом. Слишком яркий свет вредит глазу, и для глаз темнота более полезна; точно так же и ложь, я полагаю, полезна народу, тогда как истина вредна тем, кто не в состоянии устремить свой умственный взор на свет Сущего⁸³. Итак, если обязанности моего епископства позволяют это, я могу быть допущен к этому служению, так чтобы, философствуя дома и занимаясь сказками вне его, ничему не учась и даже не переучиваясь, я смог бы остаться при своих убеждениях. Но если бы мне сказали, что я должен отказаться от них и что епископ должен разделять мнения народа, то я бы пред всеми открыл, каков я. Ибо что может быть общего между простым народом и философией? Божественная истина должна оставаться сокрытой⁸⁴; народ же имеет нужду в другом. Я же снова и снова буду повторять: глупо без всякой необходимости оспаривать мнения другого или самому быть оспариваемым. Если я буду призван к епископству, то не стану вымышлять догматов: свидетельствую пред Богом и людьми. Истина родственна Богу, пред которым я хочу быть чистым во всем, — лишь от этого я не готов отказаться.

Поскольку я люблю развлечения (а мне с детства ставили в вину неумеренную склонность к оружию и лошадям), я буду мучиться, если мне придется отказаться от всего этого. В самом деле, как я смогу равнодушно смотреть на то, что мои любимые собаки лишены охоты и мои луки источены червями? Однако я мужественно перенесу это, раз этого требует Бог; хотя я чуждаюсь забот, я готов взять на себя исполнение судебных дел и занятий, принимая это служение, как бы оно ни было трудно, для Бога. Но я не стану скрывать своих мнений и мои слова не будут разниться с моими мыслями — надеюсь, так я буду угоден Богу. Я никому не хочу дать повода говорить, что, будучи никому не известен, присво-

⁷⁹ Народными мнениями Синесий часто называет христианское учение.

⁸⁰ См. учение Платона о душе: *Платон*. Федон 76с-d; Федр 248с — 249b, Тимей 42а-е; учение Оригена о предсуществовании душ: *Ориген*. О началах. II, 9, 3, 5, 7; также I, 6, 2.

⁸¹ *Платон*. Тимей 33а, а также учение Оригена о вечном творении: *Ориген*. О началах II, 3, 4.

⁸² Ср.: *Ориген*. Против Цельса. VIII, 32; II, 23.

⁸³ Ср: *Plato*. Respublica VI, 508d; VII, 516а-b, 519b, 533с-d; *Sophista* 254а-b. *Plotinus*. Enneades V, 5, 7; VI, 8, 19; *Sallustius*. De deis et mundus VIII, 1.

⁸⁴ О том, что философия — тайна, которую следует скрывать, см. письма 7, 137, 142, 143.

ил себе это избрание. Напротив, я желал бы, чтобы любезный Богу отец Феофил знал это и чтобы он уведомил меня, что он это знает, и потом уже решил обо мне. В самом деле, пусть он либо дозволит мне остаться в моем положении и философствовать на свой лад, либо, одобрив принятие мной епископского служения, впоследствии не станет искать оснований, чтобы осудить меня и исторгнуть из хора епископов. В сравнении с этим все прочее ничтожно.

Я знаю, что истина особенно любима Богом. Поэтому клянусь твоею священной главою и, что еще важнее, Богом, хранителем истины, что для меня это служение мучительно; да и возможно ли иное, раз я должен отречься от одного образа жизни ради другого? Если же тот, кому дана на это власть Богом, зная все то, о чем я рассказал, присоединит меня к хору епископов, то я уступлю необходимости и приму это как Божье повеление. Если бы император или какой-либо несчастный августалий⁸⁵ отдал мне приказание и я этому воспротивился, уверен, я бы понес наказание. Но Богу надлежит повиноваться добровольно. Если Он считает меня достойным этого служения, то мне должно прежде всего любить божественную истину, а не прокрадываться к епископству с помощью лжи, которая Ему противна. Итак, позаботься, чтобы все вышеизложенное было сообщено схоластикам⁸⁶ и ему самому (Феофилу. — А. К.).

Письмо 16⁸⁷ К Гипатии⁸⁸

Я диктую это письмо, будучи прикован к постели, но, надеюсь, ты получишь его в добром здравии, мать, сестра, наставница, которой я обязан столькими благодеяниями и которая заслуживает с моей стороны все почетные именованья⁸⁹!

Что касается моих дел, то для меня телесный недуг стал продолжением моих духовных страданий. Воспоминания об умерших детях мало-помалу поглощают мои силы⁹⁰. Синесий мог жить только до тех пор, пока не познал зло жизни. Как будто сильный ливень долго сдерживался и наконец разразился надо мной со всей неистовостью, и теперь вся радость ушла из моей жизни. О, только бы настал конец жизни и памяти о смерти детей⁹¹!

Ты же и сама будь здорова, и передай пожелания здоровья твоим счастливым друзьям, сперва отцу Теону и брату Афанасию, а потом и всем прочим. Если среди них есть некто, кого я не знаю, но кто любезен тебе, я должен быть ему

⁸⁵ Административная должность.

⁸⁶ Схоластик — должность при епископе.

⁸⁷ PG T. 66. Col. 1352. Последнее из переписки Синесия, это письмо написано в 413 г.

⁸⁸ Гипатия — философ-неоплатоник, математик. Под ее руководством Синесий обучался в Александрийской школе. Его любовь и уважение к Гипатии были беспредельны и продолжались всю его жизнь. Во время его епископства их отношения не только не прекратились, но даже окрепли.

⁸⁹ Некоторое сходство с обращением Андромахи к Гектору (*Homer. Ilias VI, 429–430*).

⁹⁰ В письмах 41 и 79 упоминается смерть Исихия, старшего сына Синесия (январь 412), в письме 89 — смерть второго сына (апрель — май 412), в письме 70 — третьего (зима 412–413).

⁹¹ Желание умереть появляется у Синесия после смерти старшего сына (письмо 41).

благодарен, раз он пришелся тебе по душе. Если ты еще беспокоишься обо мне, что ж, хорошо; если же нет, то и мне уже все равно.

Ключевые слова: античная литература, античная философия, византистика, Византия, Гипатия, история Церкви, классическая филология, Кирена, Синесий Киренский, эпистолярный жанр.

SELECTED LETTERS

SYNESIUS OF CYRENE

The present publication is the first Russian translation of selected letters of Synesius of Cyrene, namely 135, 147 (fragment), 113, 4, 105, 16. The publication is accompanied by an introductory article and commentaries by A. A. Kolotvina.

Keywords: antique literature, ancient philosophy, byzantology, Byzantium, Hipatia, history of Church, classical philology, Cyrene, Synesius of Cyrene, epistolary.